

RU

Деятельность генерала П. Н. Шатилова по подготовке переселения частей Русской армии в Королевство сербов, хорватов и словенцев в 1921 году

Окунев Д. Д.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть роль генерала П. Н. Шатилова в переселении частей Русской армии из Галлиполи и с Лемноса в Королевство сербов, хорватов и словенцев (далее – СХС) в 1921 г. В статье объясняется необходимость перевозки контингентов, раскрываются причины конфликта П. Н. Врангеля и его окружения с представителями французских оккупационных войск в Константинополе, отмечаются усилия штаба по сохранению боеспособности подразделений. Анализируются причины, не позволившие перебросить войска на Дальний Восток. Научная новизна заключается в привлечении малоисследованных источников. В результате составлена детальная картина пребывания генерала Шатилова в Белграде в апреле 1921 г. Выявлено влияние этой поездки на получение согласия регента Александра Карагеоргиевича и премьер-министра Н. Пашича принять в Королевство СХС части Русской армии. Отмечена роль русских солдат и казаков в укреплении охраны государственной границы Королевства СХС и развитии железнодорожных коммуникаций страны.

EN

General P. N. Shatilov's Activity to Organize Resettlement of the Russian Army to the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes in 1921

Okunev D. D.

Abstract. The paper highlights General P. N. Shatilov's role in organizing the Russian Army resettlement from Gallipoli and Lemnos to the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes in 1921. The article explains the need to resettle the troops, reveals causes of conflict between P. N. Wrangel's headquarters and the French occupation troops' headquarters in Constantinople, emphasizes the chief officers' efforts to maintain the army's fighting capacity, analyses the circumstances that forced them to abandon the plan to resettle the troops to the Far East. Scientific originality of the study lies in the fact that the author introduces previously unknown sources into scientific circulation. As a result, a detailed description of General P. N. Shatilov's visit to Belgrade in April 1921 is presented. The author shows how this visit facilitated permission from Regent Alexander Karađorđević and Prime Minister N. Pašić to accommodate the Russian troops in the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes. The Russian soldiers' and Cossacks' role in the national borders protection, in the national railway system development is revealed.

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена возросшим интересом исследователей и любителей истории к проблеме формирования русской военной эмиграции ввиду 100-летней годовщины рассматриваемых событий. В статье представлен ряд вопросов, относительно мало исследованных в предыдущий период. Расширена источниковая база.

С целью раскрытия темы ставятся следующие задачи: выяснить необходимость экстренной перевозки воинских контингентов в Королевство СХС в 1921 г.; проанализировать причины резкого ухудшения отношений между командованием Русской армии и представителями французских оккупационных войск в Константинополе; проанализировать невозможность переброски войск во Владивосток; представить детализацию переговоров П. Н. Шатилова с властями Королевства СХС и определить вклад этого генерала в итоговое решение вопроса.

В работе над статьей применялись следующие методы исследования: исторической периодизации, нарративный, историко-системный, типологический.

Теоретическая база статьи весьма обширна. До недавнего времени в открытом доступе имелись лишь короткие отрывки из воспоминаний П. Н. Шатилова: в полном объеме материалы по воле автора не подлежали публикации в течение 50 лет после его смерти. Впервые мемуары генерала Шатилова были напечатаны Фондом им. священника Илии Попова в 2017 г. тиражом 1000 экземпляров. Они содержат по-настоящему уникальные сведения и представляют не меньший интерес, чем труды А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

Раскрытие темы способствуют воспоминания других участников и очевидцев событий – С. Н. Палеолога [14], В. Х. Даватца и Н. Н. Львова [10], а также белых генералов из окружения Врангеля [5]. Статья опирается на труды современных историков В. Ж. Цветкова [23], С. С. Балмасова [2], О. О. Антропова [1] и др.

Приводятся данные из документального комплекса, изданного в 1998 г. Институтом военной истории Минобороны, ФСБ и СВР. Используются материалы заметок и интервью из газет 1921-1922 гг., выходивших на Дальнем Востоке.

Практическая значимость заключается в проведенной систематизации аспектов проблемы. Полученные результаты могут быть использованы в последующих работах о становлении русской военной эмиграции в Королевстве СХС.

Решение Врангеля о срочном переселении войск

Русская эмиграция, массово появившись в Сербии после 1917 г., в начале 1920-х стала приобретать ярко выраженный военный оттенок. Весной 1921 г. главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель оказался перед необходимостью переселения контингентов, эвакуированных в ноябре предыдущего года из Крыма после прорыва на полуостров частей Красной армии и махновцев. К этому белых генералов подталкивали крайне тяжелые условия существования военнослужащих, недостаток питания и обмундирования, неблагоприятное отношение к ним представителей французского оккупационного корпуса в Константинополе.

Благожелательная изначально позиция французов резко изменилась к марту 1921 г. под давлением враждебных армии Врангеля русских общественных кругов, под влиянием политики Англии и ввиду тяжелого внутреннего положения в самой Франции [14, с. 254]. Генералитет Русской армии подозревал правительство Франции в намерении расплыть войска, «уничтожить не только кадры Крымской армии, но и идею Белой вооруженной борьбы» [5, с. 30]. Еще в первые недели после эвакуации из Крыма Врангелю удалось получить разрешение на отправку в Сербию и Болгарию части беженцев, демобилизованных и оставшихся за штатом военнослужащих и чиновников [17, с. 45]. По свидетельству генерала А. В. Голубинцева, болгарские власти сначала отказались принять корабли с офицерами резерва, женщинами и детьми и поменяли свое решение только благодаря французам [7, с. 447]. Нерешенным оставался вопрос о будущем Русской армии, основу которой составляли регулярные части под командованием А. П. Кутепова, донские и кубанские казаки.

По состоянию на май 1921 г. белые контингенты размещались в Галлиполи (1-й армейский корпус), на Лемносе (Кубанский и Донской корпуса) и в Кабадже (донские казаки). Кроме того, в Константинополе располагались конвой Врангеля и штабной эскадрон. После добровольного перехода одних на положение беженцев (в массовом порядке это делали казаки-калмыки [1, с. 257]) и удаления небоеспособных по решению командиров [14, с. 252] в мае 1921 г. в Русской армии в общей сложности состояло 12833 офицера и 29816 казаков и солдат, при армии – 2020 женщин и 450 детей [24, с. 110] (в ноябре 1920 г. из Крыма, без учета 50 тыс. раненых и больных, а также чинов технических частей и тыловых учреждений, учащих военных училищ, прибыли более 60 тыс. строевых солдат, казаков и офицеров [16, с. 31], в январе 1921 г. в Галлиполи оставалось 25 тыс. пехоты, конницы, артиллерии, технических войск и около 22 тыс. казаков на Лемносе и в других лагерях [17, с. 95]; по другим данным, в феврале 1921 г. армия насчитывала суммарно около 56 тыс. человек [16, с. 42]). Многие находились в полуголодном состоянии, были физически утомлены [18, с. 45]. Часть людей покидали армию и переходили в разряд беженцев [17, с. 95].

Задача сохранения армии значительно осложнялась отсутствием у Врангеля денежных средств [18, с. 46]. В качестве платы главнокомандующий предложил французам доходы от продажи военного и гражданского флота [16, с. 26]. Согласно уполномоченному по делам русских беженцев в Королевстве СХС С. Н. Палеологу, вывезенное из Крыма имущество на сумму около 100 млн франков было «взято французами» [14, с. 250]. Позже было решено использовать просроченные заклады петроградской ссудной казны, эвакуированной из Крыма [16, с. 45]. Выделяемый французами паек между тем регулярно урезался. К примеру, 19 апреля 1921 г. он был сокращен до 300 г муки, 200 г мяса, консервов, 80 г сухих овощей, 20 г сахара, 5 г чая, 20 г жиров и 20 г соли [24, с. 99]. А посол во Франции В. А. Маклаков в письме послу в Америке Б. А. Бахметеву 8 сентября 1921 г. выражал опасение, что из-за сокращения французами пайков в Галлиполи «могут быть и голодные бунты, и голодные смерти» [21, с. 483-484]. Со стороны французов озвучивались угрозы полного прекращения снабжения Русской армии провиантом [14, с. 255].

Приоритетным местом для переселения личного состава армии были славянские страны Балканского полуострова – Королевство сербов, хорватов и словенцев и Болгарское царство. При определении этих направлений брались во внимание общие культурно-исторические корни сербов и болгар с русскими, фактор религии, схожесть менталитетов, в целом благожелательный настрой сербского и болгарского народов к русским,

их сочувствие к представителям Белого движения. Помимо Сербии и Болгарии, военнотружущих планировалось отправить на массовые работы в Грецию, Чехословакию и Венгрию [24, с. 101]. В частности, греки выразили заинтересованность в приеме 4-5 тыс. казаков на службу в армию и в пограничную стражу, а чехословаки пригласили несколько тысяч человек для осуществления деятельности в аграрном секторе. Представители донских казаков выражали заинтересованность в переселении в Венгрию [18, с. 47]. Казаки-калмыки переходили на британскую службу: в марте-апреле 1921 г. несколько сотен человек были зачислены кучерами и погонщиками в английский обоз [1, с. 258].

Провал усилий по переброске контингентов во Владивосток

После переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке и прихода к власти Временного Приамурского правительства во главе с С. Д. Меркуловым [19, с. 279] встал вопрос о переселении уроженцев Сибири в Русской армии Врангеля на Дальний Восток [24, с. 101]. Руководство самопровозглашенного Приамурского государственного образования было заинтересовано в принятии контингентов. Требовалось пополнить ряды белой Дальневосточной армии, состоявшей из бывших частей армий генерала В. О. Каппеля и атамана Г. М. Семёнова. Желание отправиться на Дальний Восток высказывали как гражданские беженцы, так и чины Русской армии в Галлиполи, Сербии и Болгарии.

В 1922 г. член Народного собрания Приамурского земского края генерал Н. А. Лохвицкий посетил Европу с целью рассказать русским беженцам о задачах национального движения на Дальнем Востоке. По собственному признанию, он убедился, что «интерес эмигрантских кругов к Дальнему Востоку чрезвычайно велик» [4, с. 2]. Усилия Лохвицкого были направлены на политическое объединение беженцев, «сближение и сплочение всех национально-мыслящих с полным отрицанием социализма и его последователей». Генерал высказывал мнение, что «только Приморье может служить базой для национального движения» [Там же]. Посол в США Бахметев, напротив, считал, что «попытки национального движения на Дальнем Востоке не только бесполезны, но и просто вредны». На его взгляд, «никакое национальное движение невозможно без поддержки японцев, между тем, японская поддержка убивает смысл движения и усиливает большевизм» [21, с. 389]. В самом Владивостоке отмечали «большой наплыв беженцев – представителей квалифицированного труда и специалистов-ученых» [9, ед. хр. 24, л. 7]. Местные власти желали приема новых людей, указывая, что на Дальнем Востоке «много богатств, много земли, ископаемых, лесов и рыбных промыслов» [Там же]. На заседаниях Приамурского Народного собрания подчеркивалась невозможность какого-либо сотрудничества с большевиками и выражалось намерение «всемерно... защищать себя от посягательств на проникновение на нашу территорию» [Там же, л. 9]. Реализовать идею переброски частей Русской армии на Дальний Восток не удалось из-за отсутствия у командования материальных возможностей, нехватки кораблей и отказа Франции и Японии оказать помощь [24, с. 101]. В июне 1921 г. МИД Франции сообщил Верховному комиссару Франции в Константинополе генералу М. Пелле, что «об отправке русских беженцев на Дальний Восток не может быть и речи» [16, с. 356]. Возможно, на позицию иностранных держав по данному вопросу в той или иной степени повлияло мнение Бахметева. Как следует из донесения контрразведывательного отдела ГПУ от 7 августа 1922 г., несколько партий офицеров все же отправились из Сербии во Владивосток [17, с. 303].

Военная разведка красных занималась разложением Русской армии в Галлиполи [16, с. 32]. Советские агенты агитировали военнотружущих переезжать в РСФСР. Идея возвращения все больше интересовала простых солдат и казаков. Репатриации части военнотружущих Русской армии в Советскую Россию желало французское правительство, планировавшее избавиться от расходов по их содержанию [Там же, с. 34]. Генерал Пелле писал Врангелю письма о необходимости возвращения людей в РСФСР или отправке их в Бразилию [Там же, с. 332-333]. Озвучивались варианты с Перу [14, с. 254]. Французы призывали согласиться на отправку на нефтяные прииски в Баку, гарантируя, что «никаких репрессий против вновь прибывших производиться не будет» [10, с. 112]. 22 февраля 1921 г. в Новороссийск из Константинополя на борту турецкого судна «Решид-паша» прибыли более 3,5 тыс. военнотружущих, преимущественно казаков. В своих заявлениях, сделанных, вероятно, по инициативе ВЧК, они призывали остальных последовать их примеру. Сочувствующая белым печать предостерегала от такого шага. Газеты писали, что «разговоры о большевистской амнистии являются такой же уловкой комиссаров, как и их уверения, что они ничего не имеют против беженцев, а борются лишь с генералами» [22, с. 3]. Утверждалось, что преследованию подвергается каждый прибывший из-за границы офицер, казак или гражданский. Многих действительно ждали фильтрации и репрессии [16, с. 36].

Весной 1921 г. по инициативе Врангеля был учрежден Русский совет. Этот орган претендовал на функции правительства России в изгнании. Председателем совета стал сам Врангель. Предусматривалось формирование состава совета по надпартийному принципу. В него вошли видные общественные и политические деятели русской эмиграции, в т.ч. В. В. Шульгин, А. И. Гучков, Н. Н. Львов, И. П. Алексинский, В. В. Мусин-Пушкин, Н. П. Савицкий, П. Д. Долгоруков, В. М. Знаменский, Н. А. Ростовцев и др. От армейской верхушки, помимо Врангеля, в совет вошли Кутепов, П. Н. Шатилов, его заместитель П. А. Кусонский. Согласно последнему, Русский совет «сумел объединить постепенно вокруг армии большинство русского беженства на Балканах и, в частности, в Константинополе, с чем принуждены были считаться местные иностранные представители» [18, с. 31]. Перед Русским советом ставились задачи по сохранению армии «для окончательной борьбы за освобождение России и будущей работы, направленной к восстановлению в ней хозяйственной жизни и государственного

порядка» [17, с. 31]. Общее количество «русских изгнанников... на чужбине» Врангель оценивал в более чем 2 млн человек [Там же, с. 18-19]. На взгляд В. Х. Даватца, «Русский совет... сыграл значительную роль в деле организации русского общественного мнения за границей» [10, с. 52].

В качестве правительства в изгнании Русский совет не получил широкого признания в эмигрантских кругах. В частности, ему оппонировало Совецание послов под руководством посла в Риме М. Н. Гирса, в которое входили Бахметев, Маклаков, министр финансов Временного правительства М. В. Бернацкий. Это совещание стремилось взять под контроль беженцев и армию. Согласно генералу В. К. Витковскому, к лету 1921 г. «окончательно выяснилось стремление французского правительства расплыть галлиполийские войска». С этой целью французами был выпущен ряд обращений и объявлений, убеждавших солдат и офицеров выйти из подчинения своим начальникам и отправиться в Советскую Россию или в Бразилию [5, с. 30]. Одно из таких заявлений под давлением французского правительства Совецание послов в составе Гирса, Бахметева, Маклакова, Бернацкого выпустило по итогам собрания 2 февраля 1921 г. в Париже. Русскую армию они считали одной из десятков организаций, нуждающихся в их помощи. Отмечалось, что «армия генерала Врангеля потеряла свое международное значение, и Южнорусское правительство с оставлением территории, естественно, прекратило свое существование» [23]. Было признано наличие «непреодолимых затруднений финансового характера» в обеспечении Русской армии. При этом сохранение военной организации признавалось «крайне желательным». Заявлялось о предоставлении максимально возможной поддержки гражданским беженцам [Там же]. Командование Русской армии не поддержало это заявление послов. Единственным выходом из сложившейся ситуации Врангель видел оставление Галлиполи. На случай предъявления французами ультиматума о разоружении рассматривался вопрос о походе на Константинополь. По мнению генерала Кутепова, занятие этого города стало бы «внушительной демонстрацией» [5, с. 31].

Переговоры генерала Шатилова в Белграде

В сложившейся обстановке было принято решение об отправке в Белград и Софию делегации во главе с начальником штаба Русской армии Шатиловым, «блондином среднего роста с маленькими усиками и простоватым лицом» [12, с. 70]. Ему предстояло обратиться к властям Королевства СХС и Болгарии с просьбой о принятии армейских частей от имени объединенной русской общественности в Константинополе [24, с. 88]. Мемуаристы Белого движения оставили различные воспоминания о Шатилове: некоторые оценки личности генерала противоречат друг другу. Как утверждал его предшественник в должности начальника штаба Русской армии генерал П. С. Махров, воевавший вместе с ним еще в Маньчжурии в 1905 г., «Шатилов не лишен способностей, но отличительной чертой его характера являлось тщеславие» [12, с. 70]. Махров указывал на склонность Шатилова к орденам и медалям. Если верить этому генералу, во время русско-японской войны Шатилов «ухитрился, почти не участвуя в боях, получить все боевые награды», позднее, во время Первой мировой войны, он вновь «обнаружил свою ловкость в получении наград» [Там же, с. 80]. Махров также намекал, что продвижением по службе Шатилов в немалой степени обязан своему отцу, начальнику штаба Кавказского военного округа и помощнику по военной части наместника на Кавказе, «почтенному и всеми уважаемому генералу» Н. П. Шатилову [Там же]. Напротив, Врангель отмечал доблесть, личную храбрость и большую инициативу П. Н. Шатилова в боях, выделял его военные успехи. В представлении Врангеля это был «прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбирающийся в обстановке» военачальник [6]. Особенно эффективен Шатилов, по мнению Врангеля, был на должности начштаба: «Блестящего ума, выдающихся способностей... он при огромной работоспособности умел работать с минимальной затратой времени. Дело у него буквально горело» [Там же].

Генерал А. С. Мильковский, в ноябре 1921 г. вернувшийся в Советскую Россию вместе с Я. А. Слащевым-Крымским, на опросе в ВЧК 10 ноября 1921 г. назвал Шатилова «умным, хитрым, беспринципным» [17, с. 96]. Он также характеризовал отношение в Русской армии к начальнику штаба как «резко отрицательное» [Там же, с. 97]. Впрочем, в данном случае можно подозревать, что негативная оценка Шатилова вызвана личным отношением Мильковского и конфликтом, который, возможно, побудил генерала репатрироваться в РСФСР. Точно так же Слащев крайне отрицательно высказывался в своих воспоминаниях о Врангеле, который еще в Крыму в 1920 г. неоднократно отвергал его различные инициативы, признал виновником неудачи Заднепровской операции и затем принял отставку [6].

Поездку Шатилова на Балканы в конце марта 1921 г. поддержало большинство членов создаваемого Русского совета. Написание обращения к представителям власти двух стран было возложено на Шульгина [24, с. 88]. Кроме того, Врангель как главнокомандующий подготовил отдельные послания королевичу СХС Александру (исполнял функции регента из-за тяжелой болезни и фактической недееспособности своего отца Петра; после его кончины 16 августа 1921 г. взошел на престол как второй король СХС) и царю Болгарии Борису. В тексте была обрисована обстановка в Русской армии, указывалось на действия французских властей [Там же, с. 89]. В своих письмах Врангель просил монархов Сербии и Болгарии о принятии «в их страны русских патриотов, взоры и сердца которых направлялись на братские народы и на их державных вождей» [Там же]. Кроме того, главнокомандующий приказал Шатилову отстаивать на переговорах такие положения, как сохранение воинской организации принимаемых Сербией и Болгарией частей армии и их прием на работу в соответствии с этим условием. В случае отсутствия возможности трудоустройства Врангель просил организованно расселить подразделения по пустующим казармам, до момента появления подходящей для них работы [Там же].

Генерал Шатилов мог рассчитывать на успех своей миссии в связи со сменой председателя правительства Королевства СХС. Вместо противодействовавшего размещению частей Русской армии в Сербии М. Веснича с 1 января 1921 г. эту должность занял Н. Пашич, который, напротив, сочувствовал делу Врангеля [16, с. 43].

Поездка Шатилова в Белград началась 4 апреля 1921 г. через Софию. Встретиться с болгарским руководством он планировал на обратном пути. В состав делегации также вошли Н. Н. Львов и А. С. Хрипунов. Один представлял правое крыло общественности, другой – левое. Их задачей было посещение русских общественных деятелей Белграда с докладами о положении Русской армии в Галлиполи. К процессу подключились прибывшие в Белград донской атаман А. П. Богаевский и кубанский атаман В. Г. Науменко. На одном из докладов генерал Богаевский подчеркнул особенную тягость положения казаков на Лемносе. К прослушиванию сообщений приглашались сочувствующие белым сербы. Влияние на тон сербской печати оказал бывший сотрудник петроградского «Нового времени» А. И. Ксюнин. При его участии в газетах появились статьи «о долге сербского народа помочь, как некогда русский народ помог сербам в их бедствии». По словам генерала Шатилова, он лично призвал спасти армию путем расселения в славянских странах [24, с. 90].

10 апреля 1921 г. Шатилов, Богаевский, Науменко, Львов и Хрипунов встретились с председателем Народной скупщины И. Рибаром. Члены делегации говорили по-русски, чиновник отвечал на сербском. Шатилов вкратце обрисовал обстановку и просил Рибара содействовать в принятии частей Русской армии на территорию Королевства СХС [Там же, с. 91]. Согласно генералу Шатилову, Рибар заверил своих гостей в сочувствии, но отметил, что принятие соответствующего решения находится в компетенции правительства. Свое участие в деле при этом председатель Народной скупщины почти исключил.

14 апреля того же года Шатилов после нескольких дней ожидания приема вместе с русским посланником в Сербии В. Н. Штрандманом посетил главу Совета министров Королевства СХС Н. Пашича. Любопытен словесный портрет сербского политика, составленный генералом: «Это был глубокий старик небольшого роста, довольно плотный, с длинной седой бородой и с добрыми потухшими глазами. По первому впечатлению мне стало страшно за успех моих домоганий. <...> Однако мои опасения и первое впечатление оказались совершенно неверными. Уже после первых же слов я почувствовал, что Пашич не такой, каким он мне показался с первого взгляда» [Там же, с. 92]. Разговор шел на русском языке и продлился около часа. Шатилов изложил Пашичу обстановку в военных лагерях, представил статистику и попросил принять около 15 тыс. человек на работы и порядка 10 тыс. на службу в пограничную стражу [Там же]. В свою очередь, сербы имели большой интерес к заполнению русскими кадрами пограничных застав: военных массово переводили оттуда в Белград для содействия полиции в охране регента Александра после неудачного покушения на него [3]. Пашич обещал разместить армию и ее командование в стране. В первой партии к переселению планировался контингент до 5 тыс. человек. Королевству СХС остро требовались рабочие для строительства шоссе Ниш – Митровица и железнодорожных путей. Также было устроено специальное заседание Совмина, на котором Шатилов сделал подробный доклад о положении Русской армии, о ее исключительных боевых качествах и политической благонадежности [17, с. 522].

15 апреля 1921 г. Шатилов вместе с военным агентом и представителем Врангеля в Белграде генералом Д. Н. Потоцким посетил военного министра Королевства СХС Б. Йовановича. Генерал Шатилов сообщал: «Он отнесся сочувственно к вопросу о принятии наших контингентов, особенно после того как я его заверил, что для заполнения предоставленных нам вакансий в пограничной страже мы выберем наиболее дисциплинированные и наиболее приспособленные для этого части» [24, с. 93]. Планировалось устроить 5-7 тыс. человек. Со своей стороны, Министерство общественных работ требовало прибытия русских со своими палатками, походными кухнями и санитарным имуществом [Там же, с. 101]. Против этого возражали французы, опасавшиеся сохранения военной организации Русской армии. Сами министерства были глубоко заинтересованы в приглашении дисциплинированных частей для несения службы и выполнения правительственных работ [Там же, с. 118-119].

16 апреля того же года, в 18:00 по белградскому времени, Шатилов был представлен королевичу-регенту Александру Карагеоргиевичу. Встреча состоялась в гостиной временного дворца наследника престола. По признанию Шатилова, Александр напомнил ему Николая II: «Та же простота обращений, то же доброжелательство в разговоре; не хватало только того ясного и бесконечно доброго взгляда, который сразу подкупал к государю всех видевших его впервые» [Там же, с. 94]. Генерал утверждал, что регент Королевства СХС «как русский воспитанник с особой симпатией относился к судьбе нашей армии» [Там же, с. 93]. Шатилов выражал надежду на «значительное влияние» Александра в решении государственных вопросов и личную близость Пашича к наследнику престола [Там же].

Беседа началась на русском языке, но продолжилась на французском. Александр подтвердил все договоренности Шатилова с Пашичем. Было дано принципиальное согласие на принятие Русской армии в Королевство СХС с условием, что не занятые на работах или в пограничной страже солдаты и офицеры не будут финансироваться из государственной казны Королевства СХС.

По рекомендации Штрандмана деньги были запрошены Шатиловым у Бахметева, который с санкции США использовал для финансирования Белого движения кредиты, выданные Временному правительству. Оставшиеся доли должны были внести Русский Славянский банк в Сербии под руководством В. И. Лебедева и бывшего члена Госдумы Л. В. Половцева и Американский Красный Крест [16, с. 43]. В начале мая 1921 г. уполномоченный Врангеля по военным и морским делам в Париже генерал Е. К. Миллер сообщил об ассигновании Бахметевым \$400 тыс. на нужды, связанные с переселением армии [24, с. 104]. Согласно расчетам Врангеля и Шатилова, этой суммы хватало для отправки в Сербию и содержания там в течение полугода порядка 8-10 тыс. человек.

Бахметев в письме Маклакову 8 июня 1921 г. критически отозвался о выделении денег Русской армии. В частности, посол высказал подозрение, что Врангель, его окружение и представители в Париже существуют на перевод в размере \$200 тыс., выделенный в декабре 1920 г. на нужды беженцев [21, с. 387]. Бахметев также подчеркивал, что на «беженцев Врангеля» с учетом последнего транша в \$400 тыс. было потрачено суммарно \$1 млн 300 тыс. Посол назвал эти средства «недурненькой суммой... брошенной в воду» [Там же]. Более благожелательно настроенный по отношению к Врангелю и его армии Маклаков, в свою очередь, отмечал, что \$400 тыс. помогут расселить войска из военных лагерей и избавят их от опасности отправки в Бразилию или Советскую Россию [Там же, с. 370]. Со ссылкой на полученную из своих источников информацию он уверял, что все деньги пойдут на устройство беженцев, а не на прочие цели.

Финансовую поддержку русским беженцам оказывали и правительства иностранных держав. Так, Александр от имени правительства Королевства СХС обещал Врангелю открыть кредит в размере 100 млн динар [17, с. 225]. В августе 1922 г. США заявили Лиге Наций о готовности взять на себя траты на питание беженцев в Константинополе на протяжении четырех месяцев, а также заняться вопросами их эвакуации. Американцы выражали готовность пожертвовать на эти цели \$25 тыс. при условии выделения Лигой Наций дополнительной суммы в размере £36 тыс. [15, с. 2]. В сентябре того же года средства на содержание 15 тыс. русских беженцев в Константинополе предоставили семь больших государств [20, с. 2].

Уполномоченный по делам русских беженцев в Королевстве СХС С. Н. Палеолог положительно оценивал деятельность Шатилова в Белграде, подчеркивая, что командированный Врангелем генерал «весьма способствовал удачному завершению переговоров» [14, с. 255]. Согласно Палеологу, положительных результатов удалось достигнуть «лишь благодаря исключительной энергии и настойчивости» Шатилова [Там же]. С ним солидарен историк С. С. Балмасов, по мнению которого Шатилов сыграл особенно важную роль в успехе дела [2].

17 апреля 1921 г. Шатилов завершил свою миссию в Белграде и отбыл в Софию. Ведение дальнейших переговоров о принятии первой партии военных в пограничную стражу и на работы было возложено на Потоцкого [24, с. 95]. Как заключал Шатилов, «в вопросе приема... контингентов он проявил много энергии, но возможности его были довольно ограничены» [Там же с. 116].

Затруднение состояло в том, что французы требовали начать расселение с Галлиполи, где находились самые сильные и организованные части Русской армии, а Врангель – с Лемноса, объясняя свое решение крайне тяжелым положением казаков. Французы стремились добиться распределения подразделений между Сербией и Болгарией, белые генералы отстаивали право не дробить войсковые соединения. Шатилов констатировал намерение командующего французским оккупационным корпусом генерала П. Шарпи нарушить план командования Русской армией по расселению контингентов [Там же, с. 110]. Шарпи также отказывался считать семью офицеров сверх согласованной партии в 5 тыс. человек. В конце апреля 1921 г. диппредставительство Королевства СХС в Константинополе уведомило русского посла А. А. Нератова о готовности своего правительства к принятию на работы первой партии военных. При этом генерал Пелле счел нужным заметить, что правительство Королевства СХС подчеркивало намерение дать приют беженцам, а не армии. В целях выхода из патовой ситуации Врангель поручил своему военному представителю в Париже генералу Миллеру поставить в известность о происходящем МИД Франции. Миллер призвал не противодействовать работе по расселению Русской армии и получил заверение, что генералу Пелле укажут оставить вопрос отправки контингентов на усмотрение Врангеля [Там же, с. 113].

Чинам штаба, гражданских управлений армии и членам Русского совета были оформлены индивидуальные визы для въезда в Королевство СХС. Личный конвой Врангеля, который представители французского оккупационного корпуса грозились разоружить, было решено отправить в Сербию с первой партией. Вопреки мнению Шарпи, кубанским казакам разрешили взять с собой палатки, кухни и хозяйственное оборудование. Отправка первой группы частей Русской армии в славянские страны Балканского полуострова началась 22 мая 1921 г. По пути в Сербию пароход «Керасунд» зашел на Лемнос за казаками, 23 мая отплыл с острова, на один день встал на рейд у Константинополя и, наконец, 26 мая 1921 г. прибыл в Бургас (Болгария) [Там же, с. 110]. Часть высадившихся военных осталась в Болгарии, остальные проследовали наземным путем на территорию Сербии. При правительстве А. Стамболийского в Софии переселенцы периодически подвергались нападкам разного рода. К примеру, в 1922 г. городская община в Варне, большинство в которой составляли коммунисты, возбудила перед правительством ходатайство о выселении всех русских беженцев в провинцию под предлогом обострения квартирного вопроса [8, с. 2]. Напротив, в Сербии «русские беженцы встретили такой радужный прием, как ни в одной стране Европы» [12, с. 172]. В Сербии русские имели право работать и занимать должности на государственной службе. По Даватцу, «в Сербии... русским жилось лучше, чем где бы то ни было» [10, с. 118]. Первая партия переселенцев занялась расчисткой полей боев Первой мировой войны и сбором брошенного войсками имущества [24, с. 119].

Для ускорения процесса перевозки и принятия частей на сербскую службу Шатилов совершил еще несколько поездок в Белград. 29 июня 1921 г. вопрос о зачислении военнослужащих в пограничную стражу Королевства СХС получил продвижение в военном министерстве, которое в тот момент возглавлял генерал С. Хаджич [Там же, с. 116]. Генерал Шатилов лично руководил расселением армии. Ему помогал Шульгин, хорошо знакомый консерваторам Сербии и Болгарии [17, с. 532]. Казаки принимались на службу в сербскую кавалерию, пехота – в пограничную стражу, технические части – на строительство железных дорог и шоссе [16, с. 43]. В сентябре 1921 г. в Сербию прибыло около 8 тыс. солдат и офицеров Русской армии. С ними заключались контракты сроком на один год [17, с. 632]. Работникам устанавливалась зарплата в размере 18 динар

в сутки за вычетом 6 динар 40 пиастр за получаемый паек. Рабочий день продолжался 10 часов [Там же, с. 540]. Эти люди жили в палатках и землянках, имели проблемы с обмундированием и одеждой. Лучше обстояли дела у принятых на государственную службу. Конница генерала И. Г. Барбовича (4203 человека) охраняла границы Королевства СХС с Австрией, Италией, Албанией и на Адриатическом побережье, казаки-гвардейцы располагались на венгерской и румынской границах. Все поступившие на службу принесли присягу на верность королю Александру. Право на ношение русской формы сохранялось только для старших чинов, принятых на должности чиновников. Остальные офицеры должны были носить сербскую форму [14, с. 257]. Командирами подразделений пограничников являлись исключительно сербы. Русский командный состав использовался в качестве помощников или советников. В Сербии находились и три русских кадетских корпуса. Почти все прибывшие в Королевство СХС части сохранили свою военную организацию. Проще всего добиться этого было казакам [17, с. 532].

К декабрю 1921 г. в Галлиполи осталось около 2,5 тыс. русских военных и беженцев. Переселение этой партии тормозилось решением сербского правительства, испытывавшего давление со стороны англичан, которые требовали приоритета на убежище для русских беженцев с Кипра и из Египта. Кроме того, представитель правительства Великобритании в Белграде неофициально предостерегал власти Королевства СХС от появления в стране слишком большого количества русских военизированных групп [Там же, с. 545]. По состоянию на январь 1922 г. на территории Сербии в различных воинских частях находилось 6276 военнослужащих (2656 офицеров и 3620 солдат); в различных артелях – 3304 человека (829 офицеров и 2475 солдат). В июле 1922 г. Врангель констатировал, что правительство Королевства СХС отказывается принять оставшихся военных с Галлиполи, и признался в своей бессилии решить этот вопрос [Там же, с. 294]. Последние галлиполийцы попали в Сербию весной 1923 г. [14, с. 256]. 300 из них были устроены на различные работы в Венгрии. Около 1 тыс. донских казаков приняла на работы Чехословакия, до 3 тыс. донских и кубанских казаков – Греция. Болгария разрешила прибыть 17 тыс. человек. На территории Королевства СХС оказались суммарно не менее 11,5 тыс. военнослужащих Русской армии генерала Врангеля [Там же]. Вместе с десятками тысяч русских эмигрантов и беженцев, прибывших в Королевство СХС с 1917 г., они увеличили население страны и внесли посильный вклад в ее развитие.

Власти РСФСР внимательно следили за положением дел в среде русской военной эмиграции. В частности, сотрудники Иностранного отдела ГПУ готовили специальные сводки о вооружении контингентов, в т. ч. переселенных в Сербию и Болгарию [17, с. 172], отслеживали настроения в офицерской и беженской среде. Согласно сообщениям советских агентов, «балканские государства несколько приободрили белогвардейцев. Массовое дезертирство почти прекратилось. На новых местах рассчитывали на лучшие условия своего существования и на некоторую материальную обеспеченность» [Там же, с. 301]. Вместе с тем утверждалось, что со временем «сербские власти... изменили свое отношение к беженцам, и начались репрессии» [Там же, с. 228-229]. Так, беженцам запрещалось покидать места поселения без специального разрешения.

Профессор математики, публицист, галлиполиец Даватц в 1923 г. описал, в каких реалиях приходилось существовать теперь бывшим военнослужащим Белой армии: «Где только не оказался русский офицер? Он рубил дрова в балканских горах, бьет камень на дорогах Сербии, копает уголь в рудниках Перника, работает на виноградниках, в полях собирает жатву, он живет в сторожевой будке в дикой местности горной Албании, в сельских хижинах, в землянках, вырытых на откосах гор» [10, с. 120].

Генералу Шатилову жесткая линия в переговорном процессе с представителями французского оккупационного корпуса, иногда перераставшая в конфликт, стоила должности начальника штаба Русской армии. С целью улучшения отношений командования с французами он был вынужден подать в отставку [17, с. 223, 225]. В апреле 1922 г. должность начштаба занял генерал Миллер, до этого работавший представителем Врангеля в Париже. При Миллере отношения с французами улучшились, крупных ссор по поводу различия взглядов на процесс переселения воинских контингентов из Галлиполи и с Лемноса больше не происходило.

Заключение

В статье рассмотрена одна из глобальных проблем в истории Белого движения – переселение частей Русской армии из Галлиполи и с Лемноса в 1921 г. Дано объяснение необходимости экстренной перевозки контингентов, существовавших в предоставленных Антантой военных лагерях в ужасных условиях. Раскрыты причины конфликта главнокомандующего П. Н. Врангеля и его окружения с представителями французских оккупационных войск в Константинополе.

Ценой мобилизации всех имевшихся ресурсов генералу Врангелю удалось реализовать свой план по переброске частей Русской армии в Королевство СХС и Болгарское царство. На основании исследования источников можно сделать вывод о том, что ключевую роль в переговорном процессе с властями указанных стран сыграл генерал П. Н. Шатилов. Приводятся аргументы, свидетельствующие об особом вкладе этого генерала в решение болезненного вопроса. Его деятельность на данном поприще высоко оценена современниками и историками. Выполняя задание Врангеля, Шатилов неоднократно вступал в конфликты с представителями французских оккупационных войск в Константинополе, которые стремились рассеять Русскую армию по разным странам и разбить устоявшиеся воинские соединения. Вследствие этого генерал Шатилов имел плохую репутацию среди французов. В целях улучшения отношений с правительством Франции, от воли

которого продолжала зависеть Русская армия, после завершения перевозки большей части контингентов из Галлиполи и с Лемноса в славянские страны главнокомандующий Врангель заменил начальника штаба.

В статье также проанализированы причины, не позволившие перебросить воинские контингенты во Владивосток, где после переворота 26 мая 1921 г. было сформировано правительство под председательством С. Д. Меркулова.

В Сербии русских солдат, казаков и офицеров ждали новые испытания. Они проводили по 10 часов в сутки на тяжелых работах, получая невысокое жалование и выслушивая упреки начальства. Другим повезло поступить на службу в пограничную стражу, но пришлось облачиться в сербскую форму. Третьи освоились в гражданских специальностях [13]. Военнослужащие-врангелевцы, как и русские беженцы в Сербии, активно занимали рабочие места, что приводило к охлаждению отношений с местным населением. Чем дальше, тем сильнее усугублялся раскол и в самой русской эмиграции.

В апреле 1941 г. бывшие белогвардейцы в рядах Югославской королевской армии пытались противостоять нападению нацистской Германии и ее сателлитов. Осенью того же года некоторые из них вступили в Русский охранный корпус для борьбы с партизанами-коммунистами И. Б. Тито. Во второй половине 1940-х, после разрыва отношений между Тито и И. В. Сталиным, оставшиеся в социалистической Югославии русские эмигранты подверглись репрессиям. Многие были убиты или сосланы. Хотя были среди них и те, кто показал лояльность новому режиму и избежал серьезных неприятностей для своих семей. Потомки военнослужащих Русской армии Врангеля живут в Сербии до сих пор. Большинство уже не знает русского языка, но гордится своими корнями, чтит и хранит память о предках.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в обнаружении и обработке ранее неизвестных источников. К примеру, до сих пор не найдена часть воспоминаний посланника в Королевстве СХС В. Н. Штрандмана. Его мемуары, охватывающие период 1908-1915 гг., были обнаружены в XXI веке в библиотеке Колумбийского университета, в 2009 г. изданы в Белграде на сербском языке и в 2014 г. – на русском. Это позволяет надеяться, что однажды будет найдена и та часть воспоминаний, в которой рассказывается о событиях, затронутых в настоящей статье.

Список источников

1. Антропов О. О. Астраханское казачество. М.: Вече, 2013. 368 с.
2. Балмасов С. С. Русский штык на чужой войне [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/3uwtkSm> (дата обращения: 22.02.2021).
3. Белоконь И. А. Дипломатическая борьба П. Н. Врангеля за переброску Русской армии в Болгарию и Королевство СХС (1921-1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2. С. 159-173.
4. В интервью с нашим сотрудником генерал Лохвицкий, прибывший из Западной Европы, заявил следующее // Земский край. 1922. 5 сентября.
5. Витковский В. К. В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963. 80 с.
6. Врангель П. Н. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/index.html> (дата обращения: 22.02.2021).
7. Голубинцев А. В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917-1920 гг. М.: Вече, 2008. 464 с.
8. Гонение на русских беженцев // Земский край. 1922. 17 сентября.
9. Государственный архив Приморского края. Ф. 1495. Оп. 1. Стенограмма заседания Приамурского Народного Собрания от 17 марта 1922 г. о политическом положении ДВР после переворота 26 мая.
10. Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград: Русское издательство, 1923. 128 с.
11. Кадеты и Врангель // Русская мысль на Дальнем Востоке. 1920. 14 ноября.
12. Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. СПб.: Logos, 1994. 302 с.
13. Окунев Д. Д. Русский эмигрант в Сербии А. Д. Бучин в воспоминаниях потомков и документах // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 4-5. С. 68-78.
14. Палеолог С. Н. Около власти. Очерки пережитого. М.: Айрис-пресс, 2004. 352 с.
15. Помощь Америки русским беженцам // Земский край. 1922. 5 сентября.
16. Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов: документы и материалы: в 3-х т. / сост. И. И. Босик. М.: Гея, 1998. Т. 1. Так начиналось изгнание 1920-1922 гг. Кн. 1. Исход. 426 с.
17. Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов: документы и материалы: в 3-х т. / сост. И. И. Босик. М.: Гея, 1998. Т. 1. Так начиналось изгнание 1920-1922 гг. Кн. 2. На чужбине. 751 с.
18. Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов: документы и материалы: в 3-х т. / сост. И. И. Босик. М.: Гея, 1998. Т. 2. Несбывшиеся надежды 1923 г. 483 с.
19. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
20. Семь больших государств предоставили Лиге Наций средства... // Земский край. 1922. 10 сентября.
21. Совершенно лично и доверительно! Б. А. Бахметев, В. А. Маклаков. Переписка. 1919-1951: в 3-х т. / под ред. О. В. Будницкого. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. Т. 1. Август 1919 - сентябрь 1921. 568 с.
22. Там, в России // Земский край. 1922. 10 сентября.

23. Цветков В. Ж. Белое движение в России: 1920-1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2Njwxgm> (дата обращения: 22.02.2021).
24. Шатилов П. Н. Записки: в 2-х т. / под ред. и с предисл. А. В. Венкова. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. Т. 2. 580 с.

Информация об авторах | Author information

Окунев Дмитрий Дмитриевич¹

¹ Московский городской педагогический университет

Okunev Dmitry Dmitrievich¹

¹ Moscow City University

¹ dok1917@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.02.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): русская армия; эмиграция; Сербия; Шатилов; Франция; Russian Army; emigration; Serbia; P. N. Shatilov; France.